

Шамиль Фарахутдинов, Ламара Мехришвили

ПОДРОСКОВАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ: ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Статья посвящена анализу общественного мнения о подростковой беременности и мерах государственной поддержки беременных несовершеннолетних в современном российском контексте. Актуальность исследования обусловлена противоречием между устойчивым снижением числа подростковых беременностей и ростом публичного и политического внимания к инициативам демографической политики, предполагающим расширение мер поддержки раннего материнства. В центре внимания находится не феномен подростковой беременности как таковой, а общественное восприятие попыток государства переопределить ее статус через инструменты социальной политики. Эмпирической основой исследования послужили данные всероссийского опроса ВЦИОМ, в рамках которого анализируются оценки допустимости рождения детей в несовершеннолетнем возрасте, информированность о введении единовременных выплат беременным школьницам и отношение к данной мере поддержки. Особое внимание уделяется социально-демографическим различиям в ответах респондентов по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта проживания. Анализ носит описательно-аналитический и сравнительный характер и направлен на выявление нормативных и ценностных разломов в общественном мнении. Результаты показывают, что при доминировании негативного отношения к подростковой беременности общественные оценки мер поддержки беременных несовершеннолетних оказываются более неоднородными и поляризованными. Выявленные различия интерпретируются через призму неодинаковых жизненных траекторий,

Шамиль Фаритович Фарахутдинов — к.социол.н., доцент, ст.н.с., Институт проблем освоения Севера, ТюмНЦ СО РАН, Тюмень, Россия. Электронная почта: fshamil@mail.ru

Ламара Ленгизовна Мехришвили — д.социол.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» (ТИУ) Тюмень; гл. н.с., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Электронная почта: Lamara_m@inbox.ru

доступности ресурсов и представлений о границах допустимого государственного вмешательства в сферу частной жизни. Показано, что поддержка или неприятие рассматриваемых инициатив связаны не только с ценностными ориентациями, но и с социальным положением респондентов, их образовательными и территориальными возможностями. Полученные результаты позволяют рассматривать общественное мнение как важный фактор легитимации социальной и демографической политики. Сделан вывод о том, что эффективность мер, направленных на поддержку рождаемости, во многом зависит от их соответствия доминирующим общественным установкам и ожиданиям, а игнорирование ценностных различий может усиливать социальное напряжение и подрывать доверие к государственным институтам.

Ключевые слова: подростковая беременность, социальная политика, демографическая политика, общественное мнение, ценностные установки

Цитирование: Фарахутдинов Ш. Ф., Мехришвили Л. Л. (2026) Подростковая беременность: политика поддержки и противоречия общественного мнения. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (1): 87–104.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-86-104

Подростковый возраст принято рассматривать как переходный этап между детством и взрослостью, границы которого варьируются в зависимости от исследовательского подхода. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к подростковому возрасту относятся лица от 10 до 19 лет (ВОЗ 2024), при этом репродуктивный период у женщин в статистических и медицинских классификациях отсчитывается с 15 лет (ВОЗ 2025). Именно к этому возрасту большинство девушек достигают физиологической способности к зачатию, однако сама по себе биологическая зрелость не тождественна социальной готовности к материнству. Исследования показывают, что повышенные риски осложнений беременности и родов у подростков в значительной степени обусловлены социально-экономическими условиями, а не возрастом как таковым (Makinson 1985).

Подростковая беременность встречается как в развивающихся, так и в развитых странах, однако ее социальное значение различается. В обществах с ранними брачными моделями и высокой нормативной значимостью материнства она чаще вписана в легитимные жизненные траектории и не воспринимается как отклонение. В развитых социумах, напротив, подростковая беременность проблематизируется в связи с институциональным рассогласованием между ранним началом репродуктивной жизни и ожиданиями, связанными с образованием, профессиональной реализацией и экономической самостоятельностью. В этих условиях раннее материнство чаще сопряжено с низким уровнем образования, бедностью и ограниченными жизненными шансами, а сами беременности нередко вне брака и подвергаются стигматизации.

Российские данные демонстрируют выраженную территориальную дифференциацию подростковых беременностей. Более высокие показатели фиксируются в регионах с низким уровнем социально-экономического развития и слабой урбанизацией, тогда как в крупных городах страны они остаются минимальными (Если... 2023). Эта неоднородность указывает на структурный характер феномена и позволяет рассматривать подростковую беременность не как индивидуальный выбор, а как результат сочетания институциональных, экономических и культурных факторов.

В последние годы в России тема подростковой беременности оказалась в центре публичного внимания в контексте обсуждения демографического кризиса и поиска инструментов его преодоления. Актуализация этой проблематики связана не столько с изменением объективных демографических показателей, сколько с появлением инициатив и публичных высказываний, предлагающих пересмотреть отношение государства к раннему материнству. В публичном пространстве все чаще звучат аргументы о необходимости «бороться за каждую беременность», включая беременности несовершеннолетних, и рассматривать их как ресурс демографической политики. Так, представители федеральной и региональной власти в 2024–2025 гг. высказывались в пользу более раннего материнства и расширения мер поддержки беременных подростков, включая введение единовременных выплат школьницам, вставшим на учет по беременности (Ведомости 2024; Эксперт 2025).

При этом данные инициативы вызвали неоднозначную реакцию не только в обществе, но и внутри самой политической элиты. Ряд депутатов и региональных уполномоченных по правам ребенка публично критиковали подобные меры, указывая на риск легитимации ранней беременности и подмены комплексной социальной поддержки узко демографическими стимулами. В этих высказываниях акцент делался на том, что подростковое материнство требует прежде всего психологической, медицинской и социальной помощи, а не инструментального использования в целях улучшения демографической статистики (Ведомости 2025; РИА Новости 2025; Газета.Ру 2025).

Таким образом, подростковая беременность в современном российском контексте оказывается не просто социальной проблемой, а объектом перепределения в рамках государственной политики, что делает особенно значимым вопрос о ее моральной и ценностной легитимации. В этой ситуации анализ общественного мнения приобретает самостоятельную аналитическую ценность. Реакция населения позволяет оценить степень согласия общества с предлагаемыми управленческими решениями, а также выявить потенциальные линии ценностного конфликта, способные повлиять на долгосрочную эффективность социальной и демографической политики.

В этой связи в статье ставится следующий исследовательский вопрос: как соотносятся общественные представления о допустимости подростковой беременности и отношение к мерам государственной поддержки беременных

несовершеннолетних, и какие социальные различия лежат в основе этих оценок? Ответ на этот вопрос позволяет рассмотреть подростковую беременность не только как индивидуальный риск или демографический показатель, но и как точку пересечения социальной политики, ценностных установок и социального неравенства в современном российском обществе.

Теоретическая рамка

В социологических исследованиях подростковая беременность рассматривается преимущественно как социально обусловленный феномен, формирующийся на пересечении институциональных, нормативных и микро-социальных факторов. В отличие от медицинских подходов, фокусирующихся на физиологических рисках раннего материнства, социологический анализ позволяет проследить, каким образом подростковая беременность приобретает статус социальной проблемы и становится объектом регулирования со стороны государства.

В отечественной литературе одной из наиболее распространенных является аналитика, выделяющая структурные и индивидуальные факторы подросткового материнства. Так, Е. Л. Путинцева (2011) предлагает различать объективные факторы, связанные с особенностями институциональной среды и нормативного регулирования, и субъективные, отражающие специфику социализации и жизненных траекторий подростков (Путинцева 2011). К числу структурных ограничений относят рассогласование возрастных границ сексуального, брачного и гражданского совершеннолетия, а также институциональные дефициты поддержки несовершеннолетних матерей и слабую формализацию ответственности отцов (Гурко 2008; Путинцева 2011; Сироткина 2010). В этом контексте подростковая беременность интерпретируется как следствие институциональных «разрывов», а не исключительно индивидуального выбора.

Существенное место в исследованиях занимает анализ нормативных изменений, связанных с трансформацией сексуальной морали. Часть авторов указывает на позитивный потенциал либерализации и развития сексуальной культуры, рассматривая их как ресурс снижения рисков, связанных с ранней сексуальной активностью, при условии институционализированного полового просвещения (Кон 2001). Вместе с тем подчеркивается амбивалентность этих процессов: при отсутствии устойчивых образовательных и профилактических механизмов либерализация может сопровождаться ростом уязвимостей, особенно в среде социально неблагополучных подростков (Нагаев 2004; Силласте 2010). Таким образом, сексуальная мораль выступает не автономным фактором, а элементом более широкой конфигурации социальной политики и культурных норм.

На микроуровне ключевым контекстом формирования раннего материнства остается семья как пространство первичной социализации. Эмпирические

исследования показывают, что подростковая беременность чаще фиксируется в условиях неблагоприятного морально-психологического климата, ослабленных внутрисемейных связей и дефицита поддерживающих ресурсов (Скутнева 2009). Однако и здесь акцент смещается с индивидуальных «дефектов» к структурным условиям воспроизводства социального неравенства.

В совокупности данные подходы позволяют рассматривать подростковую беременность не только как социальный риск, но и как индикатор напряжений между институциональными ожиданиями, культурными нормами и жизненными траекториями различных социальных групп. При этом в исследованиях сравнительно редко анализируется то, каким образом эти напряжения проявляются в общественном мнении и как население воспринимает попытки государства переопределить статус подростковой беременности через меры социальной поддержки. Заполнение этой аналитической лакуны и составляет фокус настоящего исследования.

Подростковая беременность: между демографической статистикой и политическим вниманием

Несмотря на устойчивую проблематизацию подростковой беременности в публичном и экспертном дискурсе, эмпирические данные свидетельствуют о том, что в развитых обществах она рассматривается прежде всего как объект социальной политики, направленной на снижение соответствующих рисков. Российский контекст в этом отношении выглядит относительно благополучным. Уровень подростковых беременностей в России несколько выше, чем в большинстве европейских стран, но заметно ниже, чем в США (Если... 2023). За последние 35 лет в стране наблюдается устойчивая тенденция к снижению числа беременностей у несовершеннолетних. В 2022 г. на каждую тысячу девочек в возрасте 15–17 лет приходилось 4,3 рождения, что соответствует примерно девяти тыс. новорожденных по всей стране (Росстат 2025). При этом около двух третей этих детей появились на свет вне зарегистрированного брака (Росстат 2023: 68). В сравнении с началом 2010-х годов показатели подростковых беременностей снизились в 2,5 раза, достигнув минимальных значений за весь период статистических наблюдений (рис. 1).

Родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте 15–17 лет

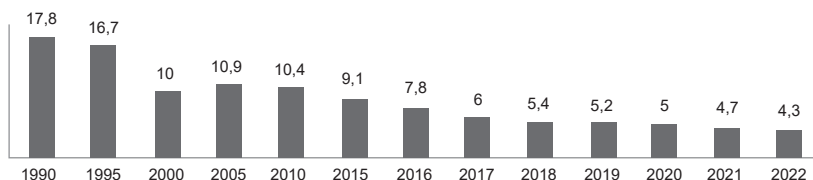

Рис. 1. Родившиеся живыми на 1 тыс. женщин в возрасте 15–17 лет (Росстат 2023: 64)

Снижение числа родов среди несовершеннолетних сопровождается и сокращением числа аборт в данной возрастной группе. Если в 2014 г. зафиксировано около 10 тыс. случаев прерывания беременности, то в 2022 г. — около 3,5 тыс. (Росстат 2023: 71). Эти тенденции указывают на значительные изменения репродуктивного поведения подростков.

Динамика подростковой рождаемости во времени свидетельствует о значимости институциональных факторов. Как видно из представленной диаграммы, наиболее выраженный спад показателей пришелся на начало 2000-х гг. В литературе этот период связывается с более глубокими трансформациями в сфере репродуктивного поведения, в том числе с распространением современных средств контрацепции и развитием инфраструктуры планирования семьи, которые в России получили институциональное оформление с опозданием по сравнению с западными странами (Вишневский и др. 2017). Определенную роль в этом процессе сыграла федеральная целевая программа «Планирование семьи», действовавшая в 1993–1996 гг. В ее рамках создана государственная служба планирования семьи, расширен доступ к средствам контрацепции для социально уязвимых групп, включая молодежь и женщин с низким уровнем дохода, а также проведена работа по повышению информированности населения о способах предотвращения нежелательной беременности и половому просвещению подростков (Там же).

Одним из проявлений этих изменений является сдвиг возраста начала половой жизни. Данные международного исследования здоровья школьников (HBSC) показывают, что доля пятнадцатилетних девушек в России, имевших опыт интимных отношений, сократилась с 11 в 2014 г. до 5% в 2018 г.; аналогичная динамика наблюдается и среди юношей — с 26 до 14% соответственно (ВОЗ 2020). В литературе подобные сдвиги связываются с совокупным воздействием институциональных и культурных факторов, включая повышение информированности подростков о репродуктивном здоровье, распространение практик профилактики нежелательной беременности и изменение нормативных ожиданий в отношении возраста вступления во взрослую жизнь. В этом смысле более поздний сексуальный дебют выступает не изолированным поведенческим сдвигом, а частью более широкой трансформации репродуктивных установок.

В совокупности рассмотренные данные свидетельствуют о том, что подростковая беременность становится все менее распространенным явлением. Именно на этом фоне особую значимость приобретает ее общественная и политическая актуализация. Объективное снижение соответствующих показателей вступает в противоречие с расширением мер поддержки и ростом публичного внимания к раннему материнству, что делает анализ общественного мнения о подобных инициативах принципиально важным для понимания логики и возможных последствий современной социальной политики.

Методологическая рамка и методы исследования

В настоящем исследовании подростковая беременность рассматривается не как индивидуальное отклонение или медицинский риск, а как социально проблематизированный феномен, находящийся на пересечении социальной политики, нормативных представлений и институциональных ожиданий. Аналитический фокус работы смещен с причин возникновения подростковых беременностей на общественное восприятие мер государственной поддержки беременных несовершеннолетних и связанные с этим ценностные противоречия.

Методологически исследование опирается на элементы структурно-функционального подхода, в рамках которого общественное мнение рассматривается как один из механизмов нормативной регуляции и легитимации социальной политики. С этой точки зрения меры поддержки беременных подростков могут интерпретироваться как управленческие решения, потенциально затрагивающие баланс между различными подсистемами общества — семьей, системой образования, рынком труда и институтами социальной защиты. Различия и противоречия в общественных оценках таких мер трактуются как индикаторы нормативных напряжений, возникающих при несоответствии институциональных инициатив доминирующим ценностным установкам отдельных социальных групп.

При интерпретации эмпирических данных также учитываются положения других теоретических подходов, релевантных для анализа социальной политики и общественного мнения. Идеи теорий социального неравенства и социального конфликта позволяют рассматривать поддержку подростковой беременности как меру, по-разному воспринимаемую группами с различным уровнем социального капитала и ресурсной обеспеченности. Подходы, акцентирующие внимание на трансформации моральных норм и жизненных траекторий, используются для объяснения поколенческих и образовательных различий в оценках допустимости раннего материнства. Вместе с тем указанные теоретические перспективы выполняют вспомогательную аналитическую функцию и не формируют самостоятельной объяснительной модели исследования.

Эмпирическую основу работы составляет база данных ВЦИОМ, полученная в рамках всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ–Спутник», проведенного в апреле 2025 г. Объем выборки составил 1600 респондентов, статистическая погрешность — 2,5 % при доверительной вероятности 95 % (ВЦИОМ 2025). Массив включает вопросы, фиксирующие отношение респондентов к допустимости подростковой беременности и мерам государственной поддержки беременных несовершеннолетних, а также стандартный набор социально-демографических характеристик, включая пол, возраст, уровень образования, регион и тип населенного пункта.

С учетом характера используемых данных и поставленного исследовательского вопроса анализ носит описательно-аналитический и сравнительный характер и не направлен на выявление причинных зависимостей. Основными аналитическими процедурами стали построение частотных распределений и таблиц сопряженности, позволяющих выявить различия в оценках между социальными группами. Для проверки статистической значимости выявленных различий применялся критерий χ^2 ; в ряде случаев использовался анализ стандартизированных остатков для уточнения вклада отдельных категорий в общую структуру различий. В процессе анализа осуществлялось частичное преобразование переменных, в частности использовались альтернативные варианты категоризации возраста респондентов. Статистическая обработка данных проводилась в пакете *IBM SPSS Statistics* версии 27.

Использование описательной статистики обусловлено задачей выявления ценностных и нормативных разломов в общественном мнении, значимых для оценки легитимности и потенциальных эффектов социальной политики, а не стремлением к построению объяснительных моделей. Ограничения исследования связаны с форматом телефонного опроса, возможным эффектом социально желательных ответов и отсутствием данных, позволяющих анализировать индивидуальные мотивации и механизмы формирования установок. Тем не менее используемый массив данных позволяет зафиксировать устойчивые различия в общественных оценках и рассмотреть их в контексте социальной дифференциации и актуальной демографической повестки.

Анализ эмпирических данных

Описание данных. Вопрос о допустимости рождения детей в несовершеннолетнем возрасте задавался респондентам в форме двух альтернативных утверждений. Первое фиксировало жесткую нормативную позицию и формулировалось как «рождение детей в возрасте до 18 лет недопустимо». Второе содержало оправдательную, смягчающую интерпретацию и звучало следующим образом: «Дети сейчас взрослеют раньше, поэтому могут начинать рожать детей в более раннем возрасте». Респондентам предлагалось выбрать вариант, в наибольшей степени соответствующий их точке зрения.

Результаты опроса показывают, что большинство россиян придерживаются негативной оценки раннего деторождения: 74% считают рождение детей в несовершеннолетнем возрасте недопустимым, еще 10% затруднились с ответом и 17% допускают возможность рождения детей у несовершеннолетних матерей.

Анализ распределения ответов по полу выявляет статистически значимые различия ($(\chi^2) \approx 13,2$; $(df) = 2$; $p < 0,01$). Среди мужчин доля респондентов, считающих раннее деторождение недопустимым, составляет

70%, среди женщин — 77%. При этом доли тех, кто допускает возможность подростковой беременности, практически не различаются: 17 среди мужчин и 18% среди женщин. Существенные различия наблюдаются в группе затруднившихся с ответом: среди мужчин таких респондентов вдвое больше, чем среди женщин (12 и 6% соответственно).

Возрастная специфика оценок допустимости подростковой беременности выражена достаточно отчетливо. В возрастной группе до 23 лет зафиксирована наибольшая доля респондентов, считающих раннее деторождение недопустимым (83%), а также наименьшая доля затруднившихся с ответом (6%). В этой же группе 11% респондентов допускают возможность рождения детей в несовершеннолетнем возрасте. По мере увеличения возраста респондентов наблюдается снижение доли категорически негативных оценок и рост доли допускающих подростковое материнство либо затрудняющихся с выбором позиции. В возрастной группе 43–56-лет распределение ответов приближается к средним значениям по выборке, тогда как в старших возрастных группах доля допускающих подростковую беременность и затруднившихся с ответом достигает максимальных значений (рис. 2).

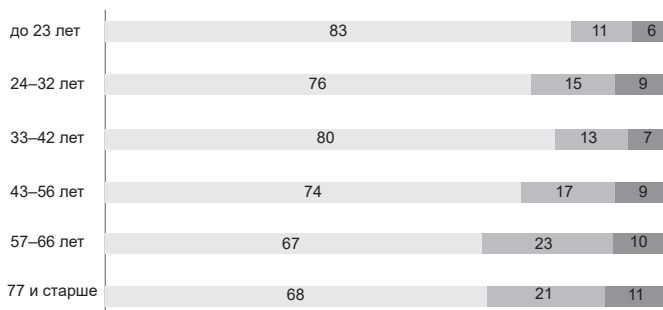

Рис. 2. Оценка допустимости рождения детей подростками в разных возрастных группах респондентов (% всех опрошенных)

Обращаясь к влиянию других социально-демографических характеристик, отметим, что такие параметры, как регион проживания и размер населенного пункта, не демонстрируют статистически значимых различий в оценках допустимости подростковой беременности. Не выявлено разницы и между респондентами с разным уровнем образования и материального положения. Таким образом, в рамках рассматриваемого вопроса наибольшие различия в распределении ответов связаны с полом и возрастом респондентов.

Далее респондентам был задан вопрос об их информированности относительно введения единовременной выплаты беременным школьницам в ряде регионов страны. Полученные данные показывают, что доли тех, кто знал или что-то слышал об этой инициативе, и тех, кто сталкивался с этой информацией впервые, оказались практически равными (49 и 51%

соответственно). Пол респондентов и уровень материального положения не оказывают статистически значимого влияния на распределение ответов. В то же время значимые различия в уровне информированности зафиксированы между возрастными группами ($(\chi^2) \approx 24,3$; $(df) = 5$; $p < 0.01$), а также в зависимости от размера населенного пункта и уровня образования ($(\chi^2) \approx 81,9$; $(df) = 6$; $p < 0.01$). По мере увеличения возраста респондентов и уменьшения размера населенного пункта доля информированных последовательно снижается. Более высокий уровень осведомленности характерен для респондентов с высоким уровнем образования по сравнению с менее образованными участниками опроса.

В последнем, ключевом, вопросе респондентам предлагалось выразить отношение к введению единовременных выплат беременным школьницам. Полученные ответы распределились следующим образом: 43 % респондентов относятся к данной инициативе скорее положительно, 40 % — скорее отрицательно, 13 % указали на безразличное отношение и 4 % затруднились с ответом. Анализ распределения ответов по полу выявляет статистически значимые различия ($(\chi^2) \approx 7,35$; $(df) = 3$; $p = 0.06$). Среди мужчин доля поддерживающих выплаты несколько выше, чем среди женщин (45 и 41 % соответственно). Женщины, в свою очередь, чаще выражают отрицательное отношение к данной мере (42 против 36 % среди мужчин). Доля безразличных выше среди мужчин — 15 против 12 % среди женщин.

Возрастная специфика оценок проявляется прежде всего в распределении варианта «безразлично». По мере увеличения возраста респондентов доля безразличных последовательно снижается: если среди респондентов младше 23 лет этот вариант выбрали 23 %, то в группе старше 77 лет — лишь 9 %. При этом четкой и однозначной зависимости между возрастом и выбором вариантов, отражающих положительное или отрицательное отношение к выплатам, не выявлено.

Особых различий в ответах респондентов с разным уровнем дохода не зафиксировано. В то же время размер населенного пункта проживания оказывает статистически значимое влияние на распределение ответов ($(\chi^2) \approx 48,2$; $(df) = 18$; $p < 0.01$). В крупных городах доля респондентов, положительно относящихся к выплатам, ниже, чем в малых городах, поселках городского типа и сельской местности. Аналогичные различия наблюдаются и по уровню образования ($(\chi^2) \approx 50$; $(df) = 18$; $p < 0.01$): респонденты с высоким уровнем образования реже поддерживают данную меру (35–37 %), чем участники опроса со средним уровнем образования (49–51 %), тогда как безразличие чаще фиксируется среди респондентов с основным общим образованием.

В целом результаты опроса показывают, что отношение к введению единовременных выплат беременным школьницам характеризуется высокой степенью неоднородности. В отличие от оценок допустимости подростковой беременности, по которым преобладает негативная позиция, мнения относительно мер поддержки оказываются распределены практически поровну

между положительными и отрицательными оценками, при наличии заметной доли безразличных и затруднившихся с ответом.

Интерпретация данных

Более жесткое неприятие подростковой беременности среди молодежи по сравнению со старшими возрастными группами может быть связано с трансформацией представлений о нормативной жизненной траектории. В современных условиях начало взрослой жизни все чаще связывается с завершением образования, профессиональной самореализацией и достижением относительной экономической автономии. В этом контексте раннее родительство воспринимается как фактор, нарушающий последовательность жизненных этапов и ограничивающий возможности накопления человеческого капитала. Институты социализации, прежде всего, образование и семья, во многом поддерживают модель отсроченной взрослости, в рамках которой подростковая беременность трактуется как нежелательный риск.

Ценностные установки самой молодежи также способствуют формированию негативного отношения к раннему родительству. Исследования, посвященные поколениям, социализировавшимся в цифровую эпоху, указывают на рост значимости индивидуального выбора, ответственности за собственные жизненные решения, а также внимания к психоэмоциональному благополучию (Колчин 2025). В этой логике рождение ребенка в несовершеннолетнем возрасте воспринимается не столько как социально не одобряемое событие, сколько как источник долгосрочных ограничений: профессиональных, финансовых и личностных. Дополнительным фактором может выступать высокая доступность информации о рисках раннего материнства и осознание того, что репродуктивные решения имеют отложенные последствия. Наконец, дистанцирование от моделей поведения предыдущих поколений также может усиливать неприятие ранних родов, ассоциируемых с иными социально-экономическими условиями и ограниченным спектром жизненных возможностей.

Толерантность к подростковому материнству среди старших возрастных групп может объясняться спецификой жизненного опыта и социализации. Для этих поколений характерно формирование ценностных установок в условиях, когда ранние браки и рождение детей в молодом возрасте воспринимались как социальная норма, а родительство обладало высокой символической значимостью, нередко компенсирующей экономические и бытовые трудности. Кроме того, различия в медиапотреблении могут играть вспомогательную роль: для части пожилых респондентов основным источником информации остается телевидение, в рамках которого демографическая проблематика и идеи поддержки рождаемости нередко подаются в позитивном и нормативно однозначном ключе.

Территориальные различия в отношении к мерам поддержки беременных школьниц также могут быть интерпретированы через призму неравенства

жизненных возможностей. В малых городах и сельской местности, где образовательные и профессиональные траектории объективно более ограничены, раннее материнство может восприниматься как менее радикальное отклонение от нормы, чем в крупных городах. В этих условиях государственная поддержка рассматривается прежде всего как инструмент смягчения материальных трудностей, а не как фактор, влияющий на долгосрочные жизненные стратегии. Напротив, в крупных городах с более высокой конкуренцией и более жесткими требованиями к образованию и профессиональному статусу ранняя беременность чаще воспринимается как источник структурных ограничений, что снижает поддержку подобных мер.

Аналогичным образом могут быть интерпретированы различия, связанные с уровнем образования. Более низкая поддержка выплат среди респондентов с высоким уровнем образования может быть связана с ориентацией на долгосрочные эффекты социальной политики и критическим восприятием мер, потенциально нормализующих раннее родительство. В то же время более высокая поддержка среди менее образованных групп может отражать фокус на непосредственной материальной помощи и меньшую вовлеченность в обсуждение отдаленных социальных последствий таких решений. В этом смысле различия в оценках не сводятся к уровню информированности или «традиционализму», а отражают неодинаковые жизненные горизонты и стратегии адаптации к социально-экономическим условиям.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что подростковая беременность и меры ее поддержки выступают в общественном сознании не только как демографический или социальный вопрос, но и как маркер более широких ценностных и структурных разломов. Расхождения в оценках отражают различия в жизненных траекториях, доступе к ресурсам и представлениях о допустимых формах государственной интервенции, что делает анализ общественного мнения принципиально важным для оценки легитимности и потенциальной эффективности социальной политики в данной сфере.

Обсуждение и дискуссия

Полученные результаты позволяют рассмотреть инициативу по введению единовременных выплат беременным школьницам в более широком контексте ценностных и институциональных противоречий современной демографической политики. Комментируя данные опроса, эксперт департамента политических исследований ВЦИОМ Мария Григорьева отмечает, что поляризация мнений вокруг данной инициативы иллюстрирует ценностный плюрализм российского общества, в рамках которого сосуществуют коллективистские и индивидуалистические установки (ВЦИОМ 2025). С одной стороны, ориентация на традиционные представления о семье и деторождении способствует более лояльному восприятию раннего материнства и соответствующих мер поддержки. С другой — акцент

на индивидуальных жизненных целях, самореализации и автономии формирует настороженное отношение к инициативам, воспринимаемым как вмешательство в частную сферу.

Данные исследования позволяют уточнить эту интерпретацию за счет анализа социальной структуры сторонников и противников рассматриваемой меры. Как было показано выше, поддержку выплат беременным школьницам чаще выражают представители групп с относительно низким уровнем социального капитала (Рощина, Куфлина 2022): пожилые респонденты, лица с невысоким уровнем образования, а также жители малых городов и сельской местности. Для этих групп характерны более ограниченные жизненные траектории и усеченный доступ к образовательным и профессиональным ресурсам, что делает государственную материальную поддержку значимым инструментом смягчения текущих социально-экономических трудностей. Важно подчеркнуть, что речь идет не о единичных характеристиках, а об их сочетании: чем больше подобных признаков аккумулируется в индивидуальной позиции респондента, тем выше вероятность поддержки соответствующих выплат.

Противоположная позиция — прежде всего среди молодежи, жителей крупных городов и респондентов с высоким уровнем образования — может интерпретироваться через призму ориентации на долгосрочные жизненные стратегии. Для этих групп любые меры, которые потенциально нормализуют подростковую беременность, воспринимаются как угроза индивидуальной автономии и как институциональное закрепление жизненных сценариев, ограничивающих образовательные и профессиональные возможности. В данном случае неприятие выплат связано не столько с отрицанием социальной помощи как таковой, сколько с опасением легитимации раннего родительства как социально допустимого выбора.

Рассматриваемая инициатива не является изолированным случаем в ряду демографически ориентированных мер, предложенных государством в последние годы. Аналогичную общественную реакцию вызывали и другие инициативы с выраженным нормативным посылом в сфере семьи и репродукции, включая законодательные ограничения дискурса «чайлдфри», обсуждение возможного возвращения налога на бездетность, а также региональные запреты на склонение к искусственному прерыванию беременности. Совокупность подобных мер формирует ощущение нарастающего давления на частную сферу, что усиливает ценностный конфликт между правовыми инструментами демографической политики и установками значительной части общества.

В этом контексте показательно, что негативная реакция на подобные инициативы все чаще артикулируется в публичных дискуссиях и медиапространстве (Фонтанка 2025). Как отмечает И. Глебов (2020), вмешательство государства в интимно-нормативные сферы социальной жизни может вызывать ценностный диссонанс, связанный с несоответствием

между используемыми правовыми средствами и доминирующими представлениями о личной свободе и ответственности. Вопросы семьи и деторождения в этом смысле обладают повышенной чувствительностью, что делает любые демографические меры особенно уязвимыми с точки зрения общественной легитимности.

Дополнительным фактором напряжения является ограниченный демографический эффект рассматриваемых инициатив. Экспертные оценки указывают на то, что единовременные выплаты беременным школьницам вряд ли способны оказать заметное влияние на общую динамику рождаемости (Forbes 2024). В условиях, когда население ожидает системных решений, направленных на улучшение качества жизни и расширение возможностей для сочетания родительства с образованием и занятостью, подобные меры могут восприниматься как символические или компенсаторные. Это, в свою очередь, создает риск подрыва доверия к демографической политике в целом и затрудняет реализацию более комплексных и долгосрочных стратегий в сфере поддержки семьи и рождаемости.

Проведенный анализ показывает, что подростковая беременность воспринимается преимущественно как социально нежелательное явление, однако отношение к мерам ее государственной поддержки носит значительно более амбивалентный и дифференцированный характер. Объективное снижение числа подростковых беременностей сочетается с высокой степенью ценностного расхождения в оценках допустимости и целесообразности демографически ориентированных инициатив, что отражает различия в жизненных траекториях, доступе к ресурсам и представлениях о границах государственной интервенции. Полученные результаты указывают на то, что общественное мнение в данной сфере не сводится к простой дихотомии «поддержка — неприятие», а выступает индикатором более глубоких структурных и ценностных разломов. Это делает учет общественных установок принципиально важным условием разработки легитимной и устойчивой социальной политики, ориентированной не только на демографические показатели, но и на долгосрочные социальные последствия принимаемых решений.

Выражение признательности

Работа с эмпирическими данными, их обработка и интерпретация осуществлена Ш. Ф. Фарахутдиновым в рамках реализации гос. задания Минобрнауки РФ (№ FWRZ-2026–0031). Теоретические аспекты рассмотренной проблемы проработаны Л. Л. Мехришвили в рамках научных тематик кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета и Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН.

Материалы для анализа

Ведомости (2024) *В Госдуме связали уроки семейного воспитания с репродуктивным здоровьем школьников*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3REyDW> (дата обращения: 19 июня 2025).

Ведомости (2025) *Депутат Госдумы раскритиковала выплаты беременным школьницам*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3REyMk> (дата обращения: 19 июня 2025).

ВОЗ (2020) *В центре внимания здоровье и благополучие подростков. Результаты исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC) 2017/2018 гг. в Европе и Канаде. Том 2. Основные данные*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3RF4Wt> (дата обращения: 19 июня 2025).

ВЦИОМ (2025) *Со школьной скамьи — в декрет?* Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3RF5RC> (дата обращения: 19 июня 2025).

Газета.Ру (2025) *В Госдуме заявили, что школьницы должны учиться, а не рожать*. Доступно по ссылке: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/03/24/25381958.shtml> (дата обращения: 19 июня 2025).

Если быть точным (2023) *11 тысяч детей в год рожают девочки младше 18 лет в России*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3RExYL> (дата обращения: 19 июня 2025).

РИА Новости (2025) *Свердловский детский омбудсмен выступил против выплат беременным школьницам*. Доступно по ссылке: <https://ria.ru/20250410/vyplaty-2010417914.html> (дата обращения: 19 июня 2025).

Росстат (2023) *Демографический ежегодник России*. Стат. сб./ Д 31.

Росстат (2025) *Раздел «Демография»*. Доступно по ссылке: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 19 июня 2025).

Фонтанка (2025) *Что еще хочет эта женщина? Почему очередные попытки повысить рождаемость вызывают только раздражение*. Доступно по ссылке: <https://www.fontanka.ru/2025/04/14/75339191/> (дата обращения: 19 июня 2025).

Эксперт (2025) *Глава Минтруда объяснил введение выплат беременным школьницам в ряде регионов*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3REyFN> (дата обращения: 19 июня 2025).

Forbes (2024) *Не мама, а подросток: почему ранние беременности не помогут повысить рождаемость*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3RF7iS> (дата обращения: 19 июня 2025).

WHO (2024) *Adolescent Health*. Available at: <https://clck.ru/3REwn8> (accessed 3 September 2025).

WHO (2025) *Women of Reproductive Age (15–49 Years) Population (Thousands)*. Available at: <https://clck.ru/3REwsQ> (accessed 19 June 2025).

Список источников

Вишневский А. Г., Денисов Б. П., Сакевич В. И. (2017) *Контрацептивная революция в России. Демографическое обозрение*, 4 (1): 6–34.

- Глебов А. Н. (2020) Последствия ценностного диссонанса в правовом регулировании. *Вестник экономики, права и социологии*, (3): 80–84.
- Гурко Т. А. (2008) Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008.
- Колчин Д. Ю. (2025) Жизненная философия поколения Z. *Манускрипт*, (1): 130–135.
- Кон И. С. (2001) Подростковая сексуальность на пороге XXI века: Соц.-пед. Анализ. Ин-т этнологии и антропологии РАН. Дубна: Феникс+.
- Нагаев В. В. (2004) Подростковая беременность и юное материнство: психосоциальные проблемы. Сыктывкар: СыктГУ.
- Путинцева Е. Л. (2011) Малолетнее материнство: социологический аспект. *Дискусия*, (8): 136–142.
- Рощина Я. М., Куфлина Е. Д. (2022) Типы социального капитала россиян и их детерминанты. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1): 307–327.
- Силласте Г. Г. (2010) Важно не место, а направление. *Пока не поздно!* 21 (282): 2–3.
- Сироткина Е. С. (2010) Социокультурные аспекты несовершеннолетнего материнства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, (3): 63–68.
- Скутнева С. В. (2009) Раннее материнство. *Социологические исследования*. (7): 114–118.
- Makinson С (1985) The Health Consequences of Teenage Fertility. *Fam Plann Perspect* 17 (3): 132–9.

Shamil Farakhutdinov, Lamara Mekhrishvili

TEENAGE PREGNANCY: THE POLITICS OF SUPPORT AND CONTRADICTIONS OF PUBLIC OPINION

This article examines public opinion on adolescent pregnancy and state support measures for pregnant minors within the contemporary Russian context. The study's relevance stems from the contradiction between the sustained decline in adolescent pregnancy rates and the growing public and political focus on demographic policy initiatives that aim to expand support for early motherhood. Rather than focusing on adolescent pregnancy as a social phenomenon in itself, the study centres on public perceptions of the government's attempts to redefine its status through social policy instruments. The empirical basis of the research is provided by data from a nationwide survey conducted by the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). The analysis addresses attitudes towards the acceptability of childbearing under the age of eighteen, levels of awareness of one-off financial payments to pregnant schoolgirls and public opinion on this support measure. Particular attention is paid to socio-demographic differences in respondents' answers according to gender, age, level of education and type of settlement. The analysis is descriptive and comparative in nature, aiming to identify normative and value-based divisions in public opinion. The findings demonstrate that, although negative attitudes towards adolescent pregnancy predominate, public evaluations of support measures for pregnant minors are markedly more heterogeneous and polarised. These differences are interpreted in terms of unequal life trajectories, disparities in access to resources and differing perceptions of the legitimate boundaries of state intervention in the private sphere. The study shows that support for, or rejection of, these initiatives is shaped not only by value orientations, but also by respondents' social position, educational background and geographical location. Overall, the results highlight the importance of public opinion in legitimising social and demographic policy. The article concludes that the effectiveness of measures aimed at supporting fertility depends largely on their alignment with prevailing social attitudes and expectations. Disregarding value differences, however, may exacerbate social tensions and undermine trust in state institutions.

Keywords: adolescent pregnancy, social policy, demographic policy, public opinion, value orientations

Shamil Farakhutdinov — Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Research Fellow, Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation. Email: fshamil@mail.ru

Lamara Mehrishvili — Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Humanities and Technologies, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation; Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation. Email: Lamara_m@inbox.ru

Citation: Farakhutdinov Sh., Mehrishvili L. (2026) Podrostkovaya bere-mennost': politika podderzhki i protivorechiya obshchestvennogo mneniya [Teenage Pregnancy: The Politics of Support and Contradictions of Public Opinion]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (1): 87–104.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-87-104

References

Glebov A. N. (2020) Posledstviya cennostnogo dissonansa v pravovom regulirovani [Consequences of Value Dissonance in Legal Regulation]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], (3): 80–84.

Gurko T. A. (2008) Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and Parenthood in Russia]. Moscow: ISRAS.

Kolchin D. Ju. (2025) Zhiznennaja filosofija pokolenija Z. [Life Philosophy of Generation Z]. *Manuskript*, (1): 130–135.

Kon I. S. (2001) Podrostkovaja seksual'nost' na poroge XXI veka [Adolescent Sexuality at the Threshold of the XXI Century]. Dubna: Feniks+.

Makinson C (1985) The Health Consequences of Teenage Fertility. *Fam Plann Perspect* 17 (3): 132–9.

Nagaev V. V. (2004) *Podrostkovaja beremennost' i junoe materinstvo: psihosocial'nye problemy* [Adolescent Pregnancy and Early Motherhood: Psychological and Social Problems] Syktyvkar: SyktGu.

Putinceva E. L. (2011) Maloletnee materinstvo: sociologicheskij aspect [Underage Motherhood: Sociological Aspect]. *Diskussija* [Discussion], (8): 136–142.

Roshchina Ya.M., Kuflina E. D. (2022) Tipy social'nogo kapitala rossijan i ih determinant [Types of Social Capital of Russians and Their Determinants]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], (1): 307–327.

Sillaste G. G. (2010) Vazhno ne mesto, a napravlenie [Not the Place, but the Direction is Important]. *Poka ne pozdno!* [Before It's too Late!] 21 (282): 2–3.

Sirotkina E. S. (2010) Sociokul'turnye aspekty nesovershennoletnego materinstva [Sociocultural Aspects of Underage Motherhood]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], (3): 63–68.

Skutneva S. V. (2009) Rannee materinstvo [Early Motherhood]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (7): 114–118.

Vishnevskiy A. G., Denisov B. P., Sakevich V. I. (2017) Kontratseptivnaya revolyutsiya v Rossii [Contraceptive Revolution in Russia]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 4 (1): 6–34.